

Юрий Михайлович Осипов –

доктор экономических наук, директор Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии философии хозяйства, вице-президент Академии гуманитарных наук, действительный член Российской академии естественных наук, главный редактор журнала «Философия хозяйства»

Русская рулетка

Русская статья

Статья – это остов, стан, стол, столп, стояние, стойкость, стоимость и отстой сразу.

1. Колеблется Русь-Россия, шатается, бесится и кочевряжится, падает и поднимается, выворачивается, исчезает во мгле, вдруг из мглы вновь является и... *стоит!*
2. Отчего же так? Не от физики же российской, а от *метафизики – своей!*
3. От *метафизической субстанции – русской субстанции*, которая не дух как таковой, хоть и духовна (из духа); не информация, как таковая, хоть и информационна; не коллективное бессознательное, хоть и полна всякой архетипики; не эгрегор даже, хоть и напичкана она всякими потаёнными смыслами.
4. Именно *субстанция*, этот некий находящийся в земно-небесном, если не прямо в космическом, если не в *ино-мировом*, пространстве не-

видимый, неслышимый и неосязаемый *сгусток метафизических сущностей*, предназначенный Бытием (Богом!) служить выражением, хранилищем и очагом не убиваемого текущим временем и не растворяемого обыденным пространством *идеально-го субстрата*, воплощающегося в земной реальности и придающего характерное качество чему-либо из непосредственно на земле сущего.

5. Субстанция эта – *плодоносное чрево*, из которого всё особенное феноменальное и исходит. И что бы ни творилось с этим особенным феноменальным, его духом, формой и содержанием, его пребыванием на свете, его историей, чрево это всегда в наличии и всегда в плодоношении, даже ежели плоды его бывают горькими, ядовитыми, злостными и даже мертвящими.

6. Идея любой субстанции, а у её истоков, конечно же, *мысль трансцендентная*, сколь всегда явна, столь

Николай Рерих. Илья Муромец. 1910 год

всегда и загадочна, — и бессмысленно смертному заниматься субстанциальной археологией, ему промыслительно недоступной.

7. Главное тут: фиксация самого этого субстанциального феномена и самого факта присутствия в земно-небесном пространстве собственно *русской субстанции*.

8. Возникла (образовалась, извлеклась, произвелась) эта русская субстанция в незапамятные времена, задолго до времён, называемых и поныне историческими, и бытует себе, аж до сих пор бытует — в русском сознании и в русской ноосфере, в русском жизнеотправлении и в русской истории, являясь залогом бытования всего русского мира, хотя и не командным для него пунктом, — русский мир всё-таки кое в чём и фундаментально свободен!

9. Субстанцию эту никому и никогда из смертных ни отменить, ни уничтожить, ни существенно переделать (лишить русскости) — она ведь не от человеческой, а от сверхчеловеческой воли!

10. Есть ли зависимость русского мира от русской суб-

Сегодня, на запале века XXI-го, ничего из мировоззренческого, ныне в мире и в России культивируемого, для Россииматушки не годится. Ничего! И приходится нынешней русскости братья самой за воззренческое дело, как когда-то взялся за военное дело, слезши с печки, на которой просидел 33 года, славный Илья Муромец — защитник земли русской.

станции? Конечно есть, и выражается она в непреложности русского начала (качества) в русском мире: что бы ни вытворял русский человек, он был, есть и остаётся *русским*!

11. Русскость — не так земно-феноменальная, как космономенальная данность. Это присутствие *иномирья* в сем мире! Русский — землянин, но он более *иномирный*, чем сеюмирный, землянин.

12. Нет, не выжила бы Русь-Россия в веках, если б не генотипическое её стремление, вполне и магическое, к самой себе, к своей родименькой субстанции!

13. Иномирность, сидящая в русском мире, дорого ему обходится, ибо русский мир в постоянной борьбе со странным компонентом русского сеюмирья, обозначаемым обычно русским сознанием как *Нéрусь*.

14. И приходится Руси-России отступать, уходить в нети, а то и в Навь, но лишь для того чтобы, свершив очередное утратное жертвоприношение, вновь вернуться в Явь, в текущую реальность: субстанция тут заботится и безжалостно выталкивает Русь-Россию наверх.

15. Похищения Руси-России Нэрусью — что приходящей, что своей — так и не выходит! И всё это благодаря *русской субстанции*, которая работает себе и работает, удерживая Русь-Россию в Бытии, в Хозяйстве и в Истории.

Русское зрение

Зрение — обозрение, лицезрение, умозрение, воззрение, мировоззрение, прозрение, как и презрение тоже.

1. Для большинства русских, во всяком случае, по-визан-

тийски обработанных и европейски образованных, не говоря уже о надёжно интегрированных в глобализм, никакого *русского зрения* (воззрения, миропонимания, мировоззрения) нет и быть не может. Если что и есть, то лишь глубокая, замшелая и потешная архаика, говорить о которой — что воду в ступе толочь! Да и русское ли оно — это зрение, а не какое-нибудь славянское, ведическое, арийское?

2. Однако русская субстанция, которая непрерывно бытует в русском мире и нарочито в каждой русской особи сидит, свидетельствует об обратном: русский на то и русский, чтобы по-своему на мир смотреть, по-своему его воспринимать и по-своему его понимать — вне зависимости от предлагаемых и внедряемых Нёрусью обозренческих версий.

3. Русский, как известно, себе на уме, и умом его никому и никак не понять, может, как раз по причине этого исходного и вредного для него и для всех «себе на уме». Не то что Нёрусь, но и сама Русь-Россия с трудом что-либо различает стоящего в русском человеке, как и сам русский человек мало что видит достойного в себе самом — невнятная тут гуляет стихия!

4. Русский, внешне смиряясь с предложенными и навязанными ему извне воззренческими установками, всё время тешит себя одной и той же замысловатой игрой — *мировоззренческой*, — ничуть не презирая сваливающихся на него обозренческих утешений, наоборот, их непрерывно принимая в расчёт: то как к нему лояльных, то как ему вредных, а то как и попросту для него враждебных.

5. Субстанция русская, может, не очень-то и самим же русским нравится, но отделаться от неё русскому люду невозможно, особенно на территории Руси-России!

6. Сегодня, на запале века XXI-го, ничего из мировоззренческого, ныне в мире и в России культивируемого, для России-матушки не годится. Ничего! И приходится нынешней русскости братья самой за воззренческое дело, как когда-то взялся за военное дело, слезши с печки, на которой просидел 33 года, славный Илья Муромец — защитник земли русской.

7. Здесь шанс — утвердиться России в *своём* мировоззрении, восходящем к истокам русскости, её субстанции, но в то же время отвечающем уровню и запросам современности, как и потребностям неизвестного, но ожидаемого будущего.

8. И не надо тут ничего выдумывать, сидя за учёным столом или вживаясь в окрестный опыт, надо лишь углубиться русскому сознанию в самого себя, выдавив из себя своё же *самосознание*, оглядеться по ноосферным окаёмам, найти и обозначить словом и делом запрятанное в себе мировидение, вытащить его на Свет Божий.

9. Трудно, тяжело, почти что и невозможно, ибо замордовано русское сознание чужезрением, обессилено самокритикой и самоотрицанием, приговорено к затянувшемуся беззвучному мычанию. Не так-то просто избавиться русскому сознанию от комплекса исторической неполноценности, возвращенного веками (византийскими, европейскими, включая и времена господства марксизма, и момент яростного нашествия глобалиберализма в 1990–2000-е годы), как и одолеть в себе «рабью бациллу», оборачивающуюся комплексом как бы возмездной, он уж очень дрянной «полноценности». Иного же выхода у современной русскости нет!

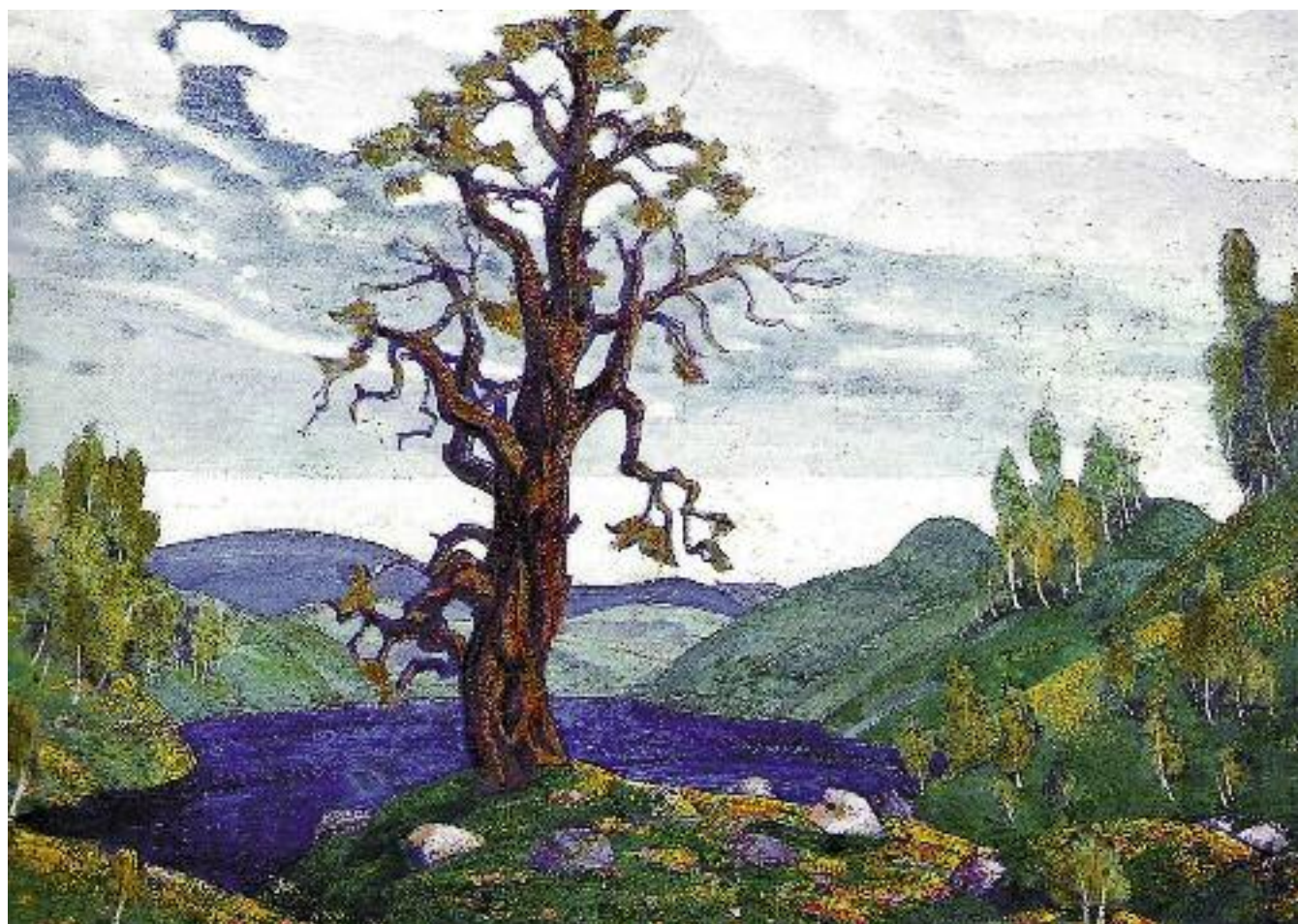
10. С самого изначалья мир зёмный воспринимался рус-

скими (славянами, проторусами, русичами) как животворное лоно, причём не только как вещно-питательное, но и как духовно-производное. Никаких сомнений в наличии невидимого, неслышимого и неосоздаваемого мира — как высшего, инициального, так и низшего, абсорбиального — у предков никогда не было, как и не было никаких сомнений в тварном происхождении сего мира. Мир вещный, природный, как и мир духовный, сверхприродный, — вместе, в переплетении, в непрерывной и замысловатой игре!

11. Мир в целом — загадка, хотя часть безмерного мира и в пользовании и даже понимании человека. Мир будто бы для человека, но он и против человека! Лono-то лono, но лono, жаждущее и смерти. Жизнь и смерть — не одно и то же, но они неразрывны, обе они из одного целого и обе они из иномирья. Мир — мир мистериальной борьбы человека за жизнь и против смерти, но и мир борьбы сего мира и иномирья. Одно тут переходит в другое. Отсюда и беспокойство людское, и страх, и смятение. Мир — царство благополучия, неустroения и несправедливости, а жизнь — одна лишь *стойкость*!

12. Природа дружелюбна человеку, и она же ему враждебна; духовный мир тоже; людской — тем более! Мир вокруг как *свой*, так и *чужой*; люди тоже — *свои* и *чужие*; культуры тоже. Пространство — *своё* и *чужое*. Отсюда и русское оборонное сознание: труженик и воин. Однако отсюда и сознание воинственное: хозяин, владетель, воитель.

13. Природа, живность, земля — лono жизни. Земля кормит, но и тяготит, поработывает, мстит. Она — объект совпадения и сотрудничества, но и присвоения, и раздора. Культ земли на Руси — больший, чем культ Неба, Космоса, Велико-

Николай Рерих. Весна священная. 1910 год

го Неизвестного. Земля — *Мать*! Быть на земле, трудиться на земле, обрабатывать землю, но и её хранить, лелеять, оборонять. Земледельцы и воины; владельцы земли и на ней труженики; крепостники и крепостные. И вот земля в Руси-России уже как проклятие, жизнь как наказание, мир как непрерывная гроза! Произвол и насилие, подневолье и покорность, но и протест, бегство, бунт. Два мировосприятия: мир как проклятие — со стороны угнетённых, проклятие русского мира — со стороны его угнетателей. Медленная, тягостная и кровотоочивая *мировоззренческая катастрофа*!

14. Катастрофа — катастрофой, а жизнь — жизнью: русский человек, безмерно приносимый в жертву и сам идущий на великие жертвы, не только выжил в веках, но и стал истинным, хотя и ис-

Природа, живность, земля — лоно жизни. Земля кормит, но и тяготит, поработщает, мстит. Она — объект совпадения и сотрудничества, но и присвоения, и раздора. Культ земли на Руси — больший, чем культ Неба, Космоса, Великого Неизвестного. Земля — *Мать*!

кренне никем особенно не признанным, триумфатором *новейшей истории*, одержавшим две Великие Победы (великие из великих!) — что в страшной многомиллионной войне, что в не менее тяжком вырыве в космос!

15. И вот сейчас, после очередного исторического надругательства над собой со стороны поднявшей вновь голову вероломной Нёруси (совершенно уже бесовской, отвязной, inferнальной), русский человек обращается к себе и своему мировоззрению, окрашенному историческим православием и раскрашенному вездесущим европейством, но к ним в основе и в целом ни-

как и не сводящемуся. Нет никакого знака равенства между русскостью и православностью, между русскостью и европейством; мировоззрение русское всё-таки не православное и не европейское, а именно *русское*!

16. Многое из уже бывшего в русском самосознании ныне оживляется, кое-что попросту повторяется, но время крайнее требует и совершенно новых — может, тоже крайних — разрешений, тем паче что русский человек сегодня более в городе, в мегаполисе, чем в деревне, на полях и в лесах, хотя связи своей с природой и землёй насовсем он не потерял, представ ныне су-

ществом цивилизационно-натуральным. Новое в русском воззрении исходит, конечно, от элитарной русскости, от тех русских умников и мудрецов, которые предпочитают своё — русское, а не чужое — иноземное, не находя в чужезрении ни спасения, ни судьбы, ни суда!

17. В блуждающем ныне по России мировоззрении жива традиция, есть кое-какая с ней перекличка, но появляется и кое-что новое, в особенности в связи с преодолением научного (сциентического) воззрения, непопаданием в вероисповедальную догматику и избеганием новейшего евро-американского — пост-модернового — учительства.

18. Мир для современного русского устроения сложен, он физичен и метафизичен, веществен и духовен, феноменален и ноуменален, имманентен и трансцендентен. Ничего нового — совершенная классика! Признаётся, как и прежде — в домарксистские времена, — существование Бога-Творца, но необычное внимание ныне уделяется Софии Премудрости Божией, а не одному лишь Логосу. При этом София трактуется не узковероисповедально, а общемирово и общечеловечески — как атрибут Господа Бога, его эманация, но уж никак не ипостась Бога, тем более женская. София — *Смысл Божий*, причём как чисто божественный, так и тварный, природный и человеческий. Мир окружающий софиен, но, увы, и анτισофиен, как и антибожествен. И сама София — не так *Благодать Божия*, как *Правда Божия*, отчего она и *Страх Божий*!

19. Россия сегодня насквозь анτισофийна, что не значит, что София отвернулась от России. София ведь и *Суд Божий*, и София без устали судит Россию, и России неуютно под этим судом, но София и терпе-

ливо взывает к России, на неё всё ещё надеясь: Россия ведь исходно не от inferнальня, а от иномирья — и в замысле России не что иное, как иномирного порядка *преображение*!

20. Мир *апокалиптичен*, причём исходно апокалиптичен, и другим он быть просто не может, а русский мир в особенности — неотмирнен же он! Тоже, вроде бы, мало нового, но акцент тут серьёзен — как раз на *апокалиптике* бытия вообще и бытия русского мира в частности. Кажется, что в апокалиптике чуть ли не сплошь негатив, но это не так, есть в ней и свой позитив — только изначально и воистину апокалиптическое ищет в бытии и из бытия выхода, не находя его — *до срока*! Апокалиптика, если она не летальна, — двигатель стремлений и перемен!

21. Мир в XXI веке основательно изменился: наряду с природным (натуральным), человеческим (земным) и божественным (небесным) мирами явился на Земле в полной красе и мир не природный и не человеческий, а *техно-искусственный*, причём уже не как вспомогательный, а как вполне самостоятельный, мало того — властительный, не только потеснивший природный и человеческий миры, но и затмивший собою мир Божеский. Недалеко время и полной победы техномира над обжитой человеком частью Вселенной!

22. Техномир, полнящийся «неживой жизнью», не мыслящий, но зато всю решающий, — главная ныне заноза истории и всего человеческого бытия, безразмерно усилившая их апокалиптику, превратив её из живой (и божественной) в неживую (технократическую) и ясно обозначив тем самым пришествие *последних времён*, подступление и *Конца Света*!

23. В мир пришёл *антимир*, но не как живая противоположность миру, а как мертвящая *нэжить*.

24. Источник этой нэжити сегодня — *ЕвроАмерика*! Она же и очаг глобального империализма, общепланетного гегемонизма и общемирового паразитизма. И иной ЕвроАмерика уже быть не может! Отсюда общепланетарная война — ЕвроАмерики с миром и мира против ЕвроАмерики, а в центре всей этой апокалиптической «забавы» *Россия* как очаг и возможность идейно-воззренческой альтернативы, а не только большая владелица недр, лесов, вод, воздуха, самой жизни, на что не может не зариться смертоносная ныне ЕвроАмерика.

25. Вот и оно — *русское мировоззрение*: всё-ещё-человеческое, метафизическое, софийное, апокалиптическое, выживательно-спасительное, но ещё и оборонно-наступательное, различающее *своё* и *чужое*, чрезвычайное по настрою, даже и алармическое (последние ведь времена!), но при этом и общепланетарное, космическое, иномирное (не довольствующееся *этим* миром и устремлённое к миру *иному*)!

Русская метрика

Метрика — мера, обмер, размер, а также картина, описание, образ, даже и матрица.

1. У русских (русичей, прото-русов) нет своего древнего культового писания, сравнимого с Библией, Кораном или даже Махабхаратой, а ежели что вроде бы и есть, как та же «Велесова книга», то энергично оспаривается как что-то недостоверное, чуть ли не поддельное, хотя что в мире буквенном так уж на Земле достоверно? Нет у русских ни своего зёмно-небесного бога, как Христос, ни своего бесспорного проро-

Борис Ольшанский. Берегиня

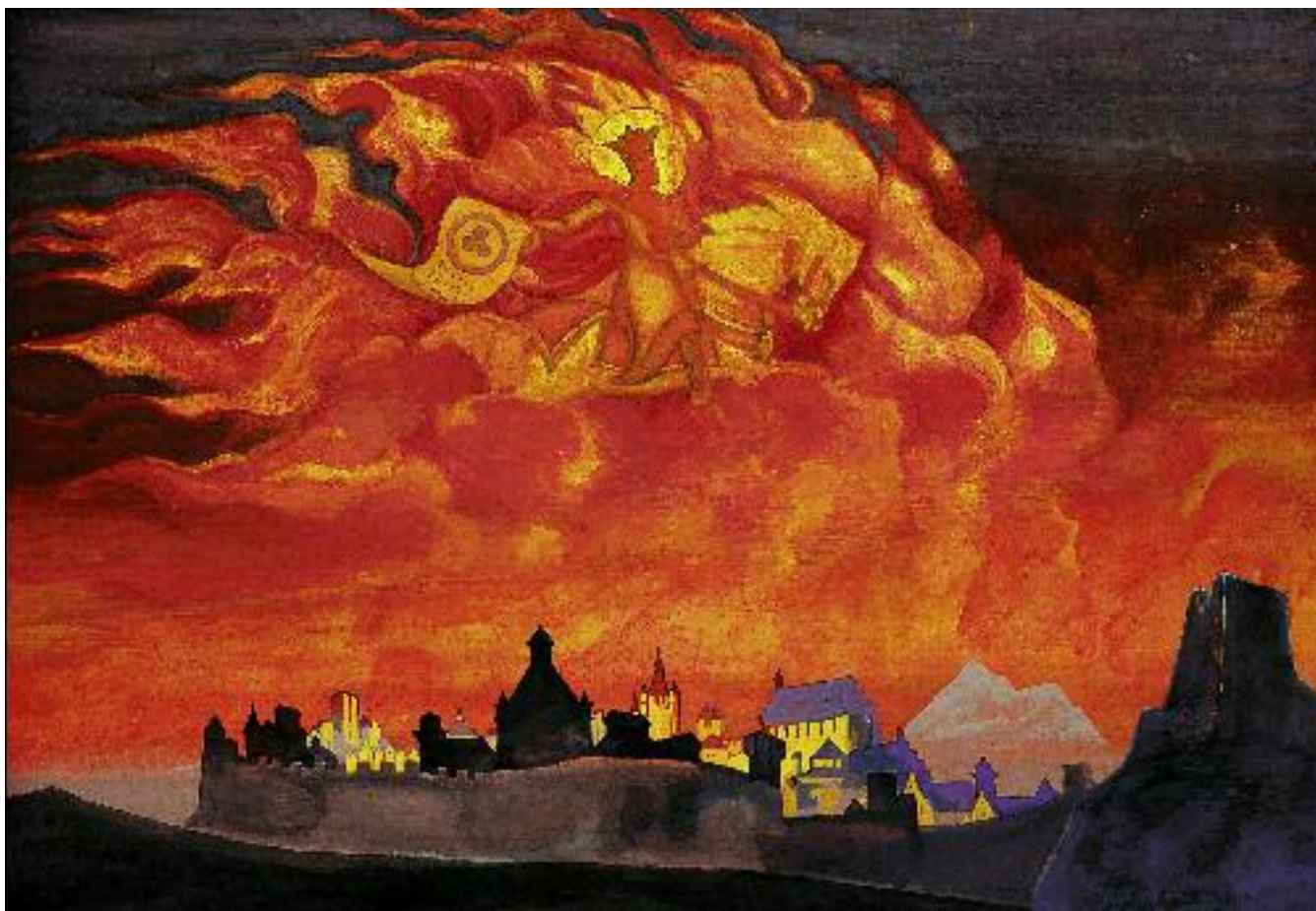
ка, как Мухаммед, ни даже своего высокочтимого мудреца, как тот же Конфуций. То ли слишком молоды русские (как бы недоросли ещё), то ли неспособны к высокому сакральному переживанию и большому идейному творчеству, то ли не очень почтительны к преданьям старины глубокой, то ли не слишком уважительны к своим титанам-мудрецам, то ли безразличны к какому бы то ни было идейному культу, то ли чересчур уж забывчивы, то ли... э-э... то ли какая-то сила позаботилась об утрате проторусского идейно-духовного самосознания, которого ведь не могло не быть, — было же когда-то то же ведичество, были волхвы, были боги, был единый Бог Род, были те же преданья, и письменность, кажется, была, в общем — обходились как-то

Нет никакого знака равенства между русскостью и православностью, между русскостью и европейством; мировоззрение русское всё-таки не православное и не европейское, а именно *русское*!

проторусы с идейно-духовной стороны бытия, не зверями же были, а *человеками*! 2. Откуда и почему пошла Русь, как и куда идёт, толком никто на Руси-России и не знает. Одно ясно — не с рюриковской эпохи Русь зачалась, не по личному волшебству варяга-завоевателя Рюрика! Ясно и другое: Русь таки вдруг возникла и пошла, более того, став уже Россией — *идёт*! Не без участия Рюриковичей, как потом Романовых, а затем и Ленина со Сталиным, как и Хрущёва с Брежневым. Идёт! Пошатываясь, покряхтывая, падая и поднимаясь, ворча, скворча, замирая и буйствуя, но... *идёт*!

3. Да-а, нет на Руси *своего* собственного почтенного регламента, нет! Вся *метрика* её туманна и загадочна. Всё на Руси-России незнаемо: кто, что, как, зачем, отчего, с какой целью, куда? Многое о Руси-России сказано, да не всё: главное-то как раз и не сказано! И остаётся до сих пор Русь-Россия со всей своей русскостью сплошной загадкой. 4. Нет той могучей книги, чтобы взять, да и прочитать всё про Русь-Россию, хотя бы миф о ней ладный, выдумку удачную, небылицу достоверную. Нет, и всё тут! Остаётся либо о чём-то важном догадываться, либо что-то воображать, либо тихо помалкивать — не так от

Николай Рерих. София Премудрость. 1932 год

Признаётся, как и прежде – в домарксистские времена, – существование Бога-Творца, но необычное внимание ныне уделяется Софии Премудрости Божией, а не одному лишь Логосу. При этом София трактуется не узковероисповедально, а общемирово и общечеловечески – как атрибут Господа Бога, его эманиция, но уж никак не ипостась Бога, тем более женская.

страха даже, как от недоумения. Вон сколько научных-де историй о Руси-России написано, да мало что разных, а то ведь и вряд ли... верных, а главное – *никак уж не культовых!* А без культа какая такая правда на Земле? Да никакой! 5. А может, в этой бытийно-исторической конспирации *что-то* всё-таки есть?

6. Страна русская, вроде бы, есть, но какая же по сути и для чего – непонятно; страна, вроде бы, русская, но без собственно русской государственности, цивилизации, истории; вроде бы, титульный народ – русские, – но он ничего волею не определяет; вроде бы, народ царственный, но в постоянной

он тягловой кабале. Русскость на Руси-России не так в Яви, как в Нави, она старательно Нёрусью отрицается и преследуется, а ежели вдруг поднимает голову, как на рубеже XIX и XX веков, так сразу же следует какое-нибудь потрясение, подъём этот прерывающее, а страну в явный крах ввергающее.

7. Третий Рим как будто бы, да вот атакуем всю наследниками Рима Первого, еле от них отбивается, беря даже время от времени их столицы, но... всего этого как будто бы и нет, и Третьего Рима нет, а есть лишь неопределённая, неустроенная, непредсказуемая *сторона*, предназначен-

ная лишь для эксплуатации, обирания и... завоевания.

8. И однако она есть, эта Русь-Россия, ещё и со своей неизбывной русскостью, которая вовсе не такая уж и православная, хотя ею заметно и задета, но... не так, как было в Византии с её ортодоксией, или как в Риме с его католицизмом, или как в Европе с её протестантизмом. Сильнее всего на Руси-России как раз... *русскость*, которая всех переживает, невольно обрусевает, вольно поглощает, нехотя проглатывает, а иной раз и назад не без удовольствия вылёвываает. Ах, эта несуществующая русскость, прочно в Руси-России сидящая, – медленная, неповоротливая, вязкая! Всё и вся перебыла, чем только не переболела, кого только не одолела, над кем только не спела песнь свою зауспокойную!

9. Очаг, котёл, домна! И никакого тебе истинного – понят-

ного, полезного, достойного — домостроя, одна, знаете ли, дребедень!

10. И вот сегодня русскость вновь всматривается в саму себя, подавливаемая внешним — ревнивым, завистливым, чуждым, немало и враждебным — окружением, включая и бывших ещё недавно в большой войне союзников, и в этой же большой войне побеждённых противников, а также бывших общежитейских «братьев», «провинциалов», ну и новых «окруженцев» — развивающихся-де, растущих, взлетающих!

11. Всматриваются отовсюду внимательно в Россию и... мало что видят, скорее — ничего приметного не видят! И не должны ничего увидеть, разве лишь мутное пятно, мглистое облачко, полупрозрачную синь. *Конспирация!* Но не потому, что русскость прячется или дюже скромна, а потому, что *не от мира сего* она. Русскость не зрить надо, а чувствовать, да и то лишь по седьмому сенсорному разряду. Метафизика тут окаянная, трансцендентность заклтая, иномирность невозможная!

12. Генотипическая матрица тут давнего происхождения, очень давнего, даже сам первый и, кажется, последний великий русский учёный и просветитель, он же и потрясающий первопроходец, запутался, вглядываясь через призму иностранных источников-линз в тёмное прошлое родной страны. Откуда она, зачем, каким образом? Прав был, что норманистам рожи квасил, но не прав был, что историю рюриковичевскую писать перестал — не выдержал, видно, издевательств письменных над реальностью, как и самой реальности, возможно, изрядно испугался, что по истечении времени случилось, надо полагать, и с первым поэтом России, историком вдруг неожиданно для себя

заделавшимся, да на этом и сломавшимся.

13. Так какова же она, эта треклятая *русская матрица* — разумеется, с высоты, или же с «низоты», сегодняшнего исторического и размыслительного момента? Во-первых, это некая *само-матрица*, неизвестно как возникшая и незнамо как воспроизводящаяся, причём *само-преобразуясь*, может, *само-переворачиваясь* (или даже *само-выворачиваясь*), — и всё это ради не более и не менее как *само-сохранения*. Нет того бога, пророка или мудреца, который задал бы эту матрицу на века, ибо она сама себя задаёт, поддерживая сама с собой деловой, хоть и дюже страдательный, разговор. Во-вторых, это не описываемая, неформализуемая и немоделируемая матрица, точнее, может, и обрисовываемая как-то, точнее — воображаемая, но... в терминах... нет... не неопределённости даже, а... самой что ни на есть... э-э... психиатрии, но не безумия вовсе, а всего лишь *безумия*. Близко к синергетике, но... к *за-умной* синергетике, а лучше сказать — *вопреки-умной*. Умом такую матрицу никак не прочесть, но и безумием её не схватить, хотя бы потому что у неё — у матрицы этой — нет ни ума, ни безумия, а есть то, к чему учёность современная только-только подбирается со своим толкованием, блуждая вокруг какого-то «хаосного порядка из хаоса», или *хаосмоса*.

14. Где хаос, там и чудо, но там же и *чудо-матрица*!

15. Где *чудо-матрица*, там и *чудо-метрика*! Кто в СССР мог подумать, даже ещё в 1980-е годы, что произойдёт со страной в годы 1990-е и 2000-е, а кто мог предположить, что к 2015-му вдруг начнётся... нет, пока ещё не возрождение, но хотя бы случится вполне заметный всплеск (если не взбрык!)... благополучно, вро-

де бы, скончавшейся под ударами глобализма... *русскости*?! Спасибо Украине с её «украини», прямо указавшей на главных врагов своих — на *русских*, — не на православных, заметим особо, коими и сами по преимуществу являются, а именно *русских*! Есть, стало быть, мир русский, есть русскость, есть и русские люди!

Русский сингуляр

Сингуляр — точка, нуль, ничто, где сразу всё и откуда всё сразу, мало того — внезапно, хотя это уже сингулярность.

1. Есть ли что-нибудь на Земле подобное русскому феномену? Вряд ли! Ничего подобного, даже схожего, нет. Всё русское — *сингулярное*, то бишь особенное, исключительное, единственное. Мало того, это ещё и неожиданное, не могущее вообще быть, невообразимое. И это не всё: сходящееся (сжимающееся) в точку, вполне и невидимую, и из неё расходящееся (разжимающееся). А точка эта и есть *сингуляр*: мало того, что единственный, но ещё и один-единёшенек — невозможный, несуразный и неповторимый!

2. Россия — мир, хоть это и страна, и государство, и что-то вроде нации. И вот этот-то мир вдруг сингулирует, обращаясь сначала в точку, а потом возвращаясь в большое целое (с некоторых пор, кстати, — *имперское*: с Ивана III, быть может, а уж с Петра I — точно!). Не физическая, конечно, Россия сворачивается в точку и из неё вдруг исходит, причём в одно и то же время, а метафизическая, ноосферная, эгрегорная, эфирная, полевая. Полюшку такому, лишённому пространства-времени, ничего ведь не стоит и в точку обратиться, и обратно в поле вернуться, начисто и исчезнуть, и вдруг — из ничего — вновь явиться. Вот и Русь-

Феникс. Около начала XIII века

Не успевают «доброжелатели» русского мира возрадоваться и пропеть, приторно всплакнув, *Requiem* по России, как она вновь тут как тут — как птица Феникс на собственном же пепелище!

Россия так же: то в нуль — то в полноту, то в ничто — то в нечто. Подмигивая да попрыгивая!

3. Примеров тут предостаточно: до Рюрика как бы и нет никакой Руси, она вся в нетях, в исчезновении, в немоте, но, как оказалось, в сингуляр сыграла, ибо вдруг в феноменальной реальности возникла во всей красе, чуть ли не империей при Святославе стала, причём оба этих персонажа — Рюрик и Святослав (дед и внук) — тоже ведь сингулярные личности, как и сын Святослава Владимир, Русь вдруг крестивший (всё в этих персонах-точках сходилась, как и всё из них

и выходило). Или тот же Пётр Великий, поставивший Русь на грань катастрофы, если не ввергнувший её в катастрофу, и вдруг... Победа, Империя, Россия! Или тот же Сталин, проделавший со страной примерно то же, что и Пётр I, правда, сначала Ленин постарался, а потом уже Сталин, и вдруг — опять Победа, Империя, СССР, а сам Сталин хоть и не был императором, но зато генералиссимусом стал, повелевая полумиром. Есть и другие примеры: со смутами да революциями, самый замечательный из которых относится прямо к рубежу XX и XXI веков: не стало России — и

всё тут, но проходит малое время — и вот она, *Россия*!

4. Не успевают «доброжелатели» русского мира возрадоваться и пропеть, приторно всплакнув, *Requiem* по России, как она вновь тут как тут — как птица Феникс на собственном же пепелище!

5. А в чём тут дело? В этой самой сингулярной способности, если, конечно, к этой необыкновенной способности добавить и кое-какие необходимости:

- ♦ держать восточноевропейское и северное евразийское зёмно-небесное пространство (а делать это может только не притязательная, изворотливая, изобретательная и необычайно стойкая *русскость*!);

- ♦ настоятельное присутствие в земном мире заинтересованного *иномирья*, хранящего человека в человеке и продуцирующего альтернативу нарастающему и наглюющему античеловечеству (неважно какую);

- ♦ потребность *иномирья* в земном *экспериментировании* (звучит не очень красиво, но зато правдиво), которое не только не остановлено, а в явной сейчас кульминации.

6. Особенность сингулярности в её непредсказуемости: когда, зачем, как, с какими последствиями, с какими итоговыми результатами? Сингулярный эффект — эффект как бы сумасшедшего, когда царствует как бы сумасшедшая неопределённость, питающаяся как бы сумасшедшей трансцендентностью. Достаточно помянуть совсем недавние события в Москве 1991—1993 годов; гнусные в человеческом измерении 1990-е; грязные уже в нечеловеческом измерении 1996—1998 годы; совсем неожиданный 1999 год, закончившийся отставкой первого в стране лица, да и с заменой на кого — на человека... э-э... «без лица»; затем и невероятные 2000-е — годы уродливой ста-

билизации России и странного перехода к невозможно-подъёму страны. Ничего ведь нормального, ничего системного, ничего более или менее стройного! И однако: из хаоса и через хаос... э-э... сначала к воспроизводственному *бес*-порядку, а затем и к кое-какому творящему гибриду хаоса и порядка — *хаосмосному*! Да, что-то можно предчувствовать, что-то интуитивно прозревать, что-то даже в неловком абрисе вдруг вообразить, но... не более того! Сингулярность решает сама и по-своему: случается как раз то, что никогда не может и не должно случиться! Россия же — самая подходящая для сингулярных событий мировая арена, но что важно — событий судьбоносного порядка как для России, так и для всего планетарного мира!

7. И вот сейчас, в 2014–2020 годах, Россия вновь на переломе, мало того — во всемирном сингулярном запале, которым заведуют не так субъекты, как распределённые по хаосному планетарному пространству хаосные же сгущения, не имеющие ни устойчивых оснований, ни явных целей, ни предвиденных разрешений. И у привыкшей к чудодейственной сингулярности России тут свой великий сингулярный шанс!

Русская невидаль

Невидаль — что не видно, но что есть, как и что есть и даже видно, но ничего такого (!) не представляет; чего не может быть никогда, но непременно сбывается, как и что никак не сбудется, но уже есть. Чему и во что никогда нельзя верить!

1. Если о русском прошлом и даже русском настоящем мало что можно сказать существенно определённого, то что можно сказать о вообще не определимом русском будущем?

Здесь уж сплошная *невидаль*! Ни зги тут не видно, никакого шороха не слышно, ничего впереди никак не вырисовывается. Картина почти что печальная, если не принять во внимание *веры* — веры в Россию, в русскость, в русский мир и, заметим, менее всего в самих русских людей, склонных-таки массово к союзу с антиРоссией и даже к измене России, что понять вполне можно, даже и оправдать, ибо Россия — далеко ведь не злато, но вот только простить нельзя: *Россия никому измены не прощает!*

2. Россия без будущего: эка невидаль — она ведь всегда без будущего! Никто не знает, за счёт чего вообще бытует Россия, как и намерена, кажется, бытовать и дальше. Жертвоприношения — вовсе тут не всё, да и не главное. Никакого тебе реестра, никакого трафарета, никакого чертежа! Разве лишь выжить любой ценой, уцелеть, продлиться. Это даже не драма и не трагедия, хотя это всё и есть, это — *нескончаемая боль*! Россия — не место для благополучия, наслаждения, счастья. Зато место для бед, неурядиц, страданий. Не рай вовсе, скорее — ад! Однако ад... полный какой-то нечеловеческой притягательности! Почему — загадка! Житие как бы одним днём: ненадёжность, опасность, риск. В постоянной борьбе с нёжитью, с Нёрусью, с анти-Россией, как и с самою собою. Какое уж тут будущее, да ещё и светлое?

3. И однако... и однако — *жизнь*! Как испытание жутью, как обработка страхом, как закалка страдой. Жизнь ради... нёжити, то ли нёжить... ради жизни?! Без будущего, но зная, что оно всё-таки будет, но вот какое... э-э... лучше помолчать, ибо там — одна *невидаль*! Творящий хаос! *Хаосмос*! Но ведь что-то же обязательно сотворится?

4. Россия нынче на невозможном, вполне и трансцендентном, подъёме, каковой кое-кому из «доброжелателей» русского мира очень хочется непременно подорвать. Россия ведь устремилась *к себе*! Это-то для «друзей» и страшно! Что значит к себе? Нет-нет, не к Святой Руси Великих Иванов, не к Российской империи эпохи романовской и не к СССР времён большевистских, в общем — не назад, хоть и с неизбежным соприкосновением с традицией и погружением в исходную русскую метафизику. Только вперёд, только к новой России, ещё не бывшей!

5. Хороша была формула «православие—самодержавие—народность», родившаяся эскизно ещё в рюриковичевские лета и лишь закреплённая чеканно уже зрелым николаевским временем, да вот сегодня она для России не годится. А что может тогда сгодиться? Тяжкий вопрос, нетактичный, и ответ на него тяжкий, почти что и бессмысленный, ибо эпоха ныне больно особенная, с непрочитаемым бытием, мало того, что непрерывных перемен, но и перемен самопроизвольных, следовательно — *неуправляемых*, точнее — с управлением и даже с самоуправлением, но, повторим, — *неуправляемых*, счастливо не прогнозируемых, удачно не просматриваемых, надёжно не улавливаемых, — если в целом, конечно! Запад уже во флаттере (саморазрушении). Китай, ежели не опомнится, на пути к чему-то подобному. Весь планетарный мир в неконтролируемом и неподсудном движении. Лишь России не привыкать к стихиям и катастрофам, да и прошла она уже кое-что ужасное для себя совсем недавно. «Партнёрские санкции» России не помеха, российский мир необратимо сосредоточивается, Россия *step by step* овладевает будущим!

6. Теперь грезится другая формула — «Россия—империя—творчество». Самое привлекательное здесь, конечно, творчество, но его-то как раз нет и не будет без России, а сама Россия может быть только как *империя* (однако не *экспансивная*, а *ин-тенсивная* — в себе и для себя).

7. Россия способна к *импровизации* — полномасштабной, полноприводной и полноценной. Она открыта для фундаментальной новизны. Ей всё равно, какой завтра быть, лишь бы быть и быть... *Россией!* Она сама для себя аттрактор; сама себе причина; сама для себя и суть!

8. Россия сегодня ничего на мировой ярмарке не выбирает, она идёт вперёд, что-то уже для себя и созидая. Отверженная, она и сама отвергает — отвергателей, ей уже безразличен контекст — как объект поклонения, ибо Россия — *сама себе проект!* И дело тут не в гордыне России, а в неотложной необходимости: не отгородиться, а удержаться и удержать! София ведь совсем и не «против», наоборот, она вполне «за»!

9. Мир вступает, втягивается или же попросту ниспадает в *иной земной мир* — совершенно уже искусственный, можно сказать, что и *неземной*, никем, кроме безумных фантастов, не подуманный и немогущий быть человеком нормальным помыслимым. Делает это мир, разворачивая шаг за шагом тягостную всемирную войну, — *Армагеддон!* Иначе он уже не может: падение в войну от него уже не зависит. Россия, пережив страшную катастрофу СССР и собственное жуткое падение, осознала ценой унижения, подчинения и отравы, что ей нужно немедленно обратиться к себе, сбросив навсегда внешнюю зависимость, и овладеть необходимой для выживания, перемен и бытия *ситуацией* — уже и... *внеисторической!*

10. Россия сегодня — *ковчег спасения!* Вот те на! Эта-то планетарная «чёрная дыра» и вдруг... *ковчег спасения!* А-а, в том-то нынче и дело, что не только «будут последние первыми», но и, знаете ли, охотно падшие вдруг неохотно поднимутся и... пойдут вперёд и впереди! Русская апокалиптика на то и *русская* (постоянная, терпкая, скребущая), чтобы выдать что-то совсем уж непотребное — как раз сжимающемуся искусственному безвременью и необходимому!

Русский респект

Респект — уважение, уважение другого, уважение со стороны другого, самоуважение, в общем — быть самим собой и не мешать другим быть другими.

1. Русскость — этнический, вроде бы, момент, и это так, хотя этническое начало здесь не главное; русскость и не специфическая идеология, культура, мировоззрение, хотя что-то своё во всём этом есть; русскость всего более тяготеет — как качество — к *типу* человека, даже, если хотите, к *расе*; в этом плане русскость аналогична еврейству или тому же китайству.

2. Русскость — альтернатива всему: европейству, азиатству, североамериканству, южноамериканству, африканству, австралийству, хотя русскость, в отличие, к примеру, от той же евро-американскости (даже и китайскости), ни на что и ни на кого не покушается. В чём же альтернативность? — в принципиальной *инаковости*, восходящей непосредственно к *иномирию*. Русские — не от мира сего, они — неотмирцы, хотя и пребывают в сем мире, волоочась за своею земной судьбою, сжимаясь и разжимаясь, падая и поднимаясь, терпя поражения и одерживая победы — *великие победы!*

3. Русские открыты всему миру, они восприимчивы,

рефлексивны и реактивны, но при этом ничто не может заставить их перестать быть русскими. Антирусскость — не одно лишь внешнее противление (агрессивность контекста), но и странная принадлежность самой русскости. Русскость в постоянной борьбе с антирусскостью, воплощающейся в таком поразительном явлении, как Нёрусь, атакующая русскость, на ней паразитирующая, её предающая и в ней же постоянно нуждающаяся. Нёрусь — тоже ведь раса, точнее — *субраса*, или *антираса* — паразит! Однако Нёрусь подвигает русских не только на измену самим себе, но и на верность самим себе. Отсюда феномен *русских из русских* — не покидающих русский мир, его страдательно и жертвенно удерживающих; не пытающихся сбросить с себя русскость, её отменно культивирующих; не изменяющих России, её хранящих и обороняющих.

4. Русскость — это призвание, признание, ноша, тягло, судьба, миссия. Для чего она, эта русскость? Феноменально-практического ответа здесь нет, хотя есть феноменально-практическая история с тем же русским освоением гипербореического пространства (северной Евразии); созданием на удивление всем вполне человеческой культуры (не гуманистической, а именно *человечной* — не греческой, не иудейской, не европейской, не азиатской); строительством имперской (многонародной, евразийской) цивилизации; сдерживанием внешних разорительных и губительных экспансий, в особенности новых и новейших европейских; одерживанием великих побед; переживанием евроэкспериментализма в виде того же практического социализма; освоением целостного научно-технического прогресса и невероятным вырывом в кос-

мос; созданием мощной армии и могучего оборонного комплекса. История значительна, разнообразна, объёмна! Это история не страны, а *мира*! Россия — *мир*! Русскость — явление *мировое*!

5. Однако заряд русскости, её очаг, её источник не в феноменально-практической сфере, а в ноуменально-сущностной, где доминирует метафизис и господствует трансцендентность, где Логос умолкает, а Число замирает, где действует более всего София. Русский мир живёт не так физикой бытия, хотя он без неё не обходится, как его метафизикой, поклоняясь не так «ходу человека» с его пользой и вы-

Россия сегодня – ковчег спасения! Вот те на! Эта-то планетарная «чёрная дыра» и вдруг... ковчег спасения! А-а, в том-то нынче и дело, что не только «будут последние первыми», но и, знаете ли, охотно падшие вдруг неохотно поднимутся и... пойдут вперёд и впереди!

годой, как «ходу неизвестности» с его неожиданностями и невероятностями, а также признавая более «ход вещей» с его независимостью и странностью, чем «ход человеческой практики» с его ограниченностью, уязвимостью и ущербностью. Русский — прирождённый метафизик, врождённый фаталист и урождённый мистик!

6. Хочет того русский человек или нет (хотя явно он этого не

хочет!), но он противостоит со своей русскостью *всему миру*. Не имперскостью, не православностью, не социальностью и даже не своим показательным космизмом, а именно *русскостью*! Правда, не весь вовсе планетарный мир противостоит русскому миру, а лишь своей либо кинетически, либо потенциально агрессивной для русского мира частью. И дело тут не столько опять же в физисе (простран-

ство, земля, недра, ресурсы), который очень хочется кое-кому прихватить, а в метафизике, то бишь в *идее*, чего ни-

авангарда в слове и в искусстве в лапы самому дьяволу. 8. Сегодня на повестке безграничное самовыражение человека в среде высвобожденной *антикультуры* (культура — мир запретов!). На поверхность вышел *антимир*,

падом, мир этот — Западный, — несмотря на отдельные всплески настойчиво гонимой там остаточной мудрости, ничего из творящегося с ним самим не видит, не сознаёт и не понимает. Полная атрофия мозгов, чувств, интуиций! 2014 год, как и, надо полагать, ещё несколько последующих за ним лет, — время обострения не только мировой текущей ситуации, но и момент обострения кое-каких истин, среди которых и действительный закат ЕвроАмерики, Постмодерна и адекватного ему квази-человечества. Обстановка позднего Древнего Рима!

11. Россия, хоть и объявлена росс-византийскими добродетелями Третьим Римом, не собирается занимать место ни Первого, ни Второго Римов — этим пусть занимается сегодня Америка, этот Четвёртый Рим, он же по духу своему воинственному и Первый, хоть при этом и финансово-капитальный (карфагенский, финикийский). У России совсем другая задача — выстоять и идти к новому мирозданию, в чём ей может способствовать даже и его тетраримскость, но главное значение будет всё-таки иметь *русскость*.

12. Заметим, в момент крайней опасности или нечеловеческого напряжения все в России становятся... *русскими*, да, именно *русскими*, — и всё потому, что русскость исходно апокалиптика, кризисна, тяжка, но при этом стойка, самоотверженна, самопожертвенна и героична. В роковую минуту русские — неодолимая сила!

13. Передовой, он же Западный, мир уже попал в состояние «гrogги», или «бури без натиска», или «умного безумия», или просто «самопального произвола». Это уже неуправ-

кому уже на грешной планете совсем и не хочется присвоить.

7. Идеино планетарный мир, как известно, давно (с незапамятных времён) разделён и поделён (культуры, религии,

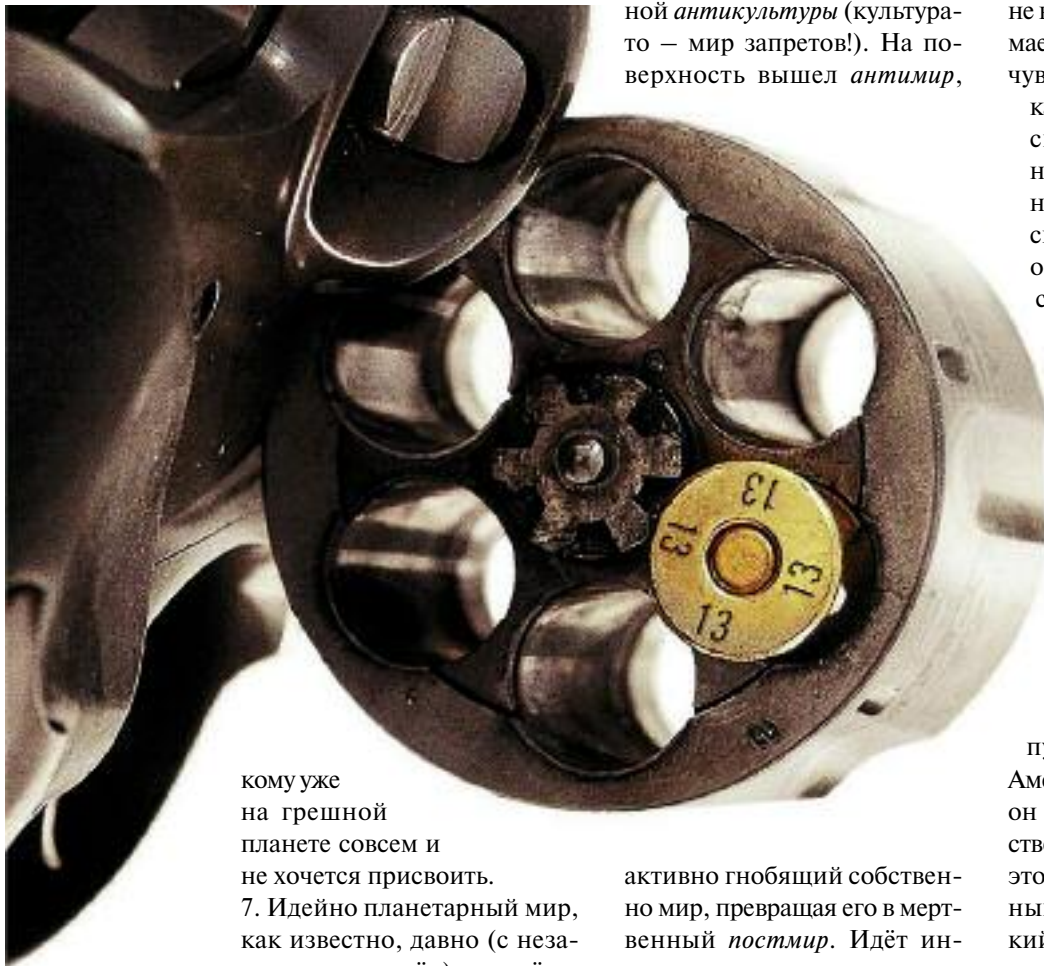
активно гнобящий собственно мир, превращая его в мертвенный *постмир*. Идёт интенсивное расчеловечивание человека, его превращение в *постчеловека*.

9. Это всё исходит от передовой части планетарного мира — Западной, евро-американской, антиприродной, секуляризованной, научно-технической, искусственной, физикалистской, материалистской, логической, глобалической, империльной. Мир Постмодерна! Со свободной-де идеологией, а на самом-то деле — исключительно тоталитарной, нивелирующей, стандартизирующей, но... незаметно, пряча, скрытно, исподтишка, ибо не из высшего она иномирья, а из самого что ни на есть *инферналя*.

10. Судя по всему ныне происходящему на Западе и с За-

Такова она — *русская рулетка*!

цивилизации, традиции, учения, а теперь вот и концепции, установки, обработки, пиары, зомбирования). Премодерн, знаменовавший единение человека с Природой и Сакралом, если и не умер, то на периферии нынешней идеальной вселенной; Модерн, поставивший человека над Природой и вне Сакрала, ещё держится, но заметно уже уходит, становясь классикой; царствует ныне Постмодерн, провозгласивший свободу человека не только от Природы и Сакрала, но и уже от самого человека, отдав его с помощью

ляемо управляемый мир — не более и не менее! Любое рациональное действие приводит к иррациональному результату; любая внешне логичная программа вызывает самые непредвиденные следствия, перечёркивающие весь замечательный предварительный замысел; любой тщательно продуманный курс ведёт куда угодно, кроме искусно намеченного пути.

14. Реальность, переполненная людьми, объектами, ритмами, шумами, волнениями, мусором, пылью, эфиром, образами, образинами, виртуальностью, дезой, кодами, ложью, мифами, конспирацией, конкуренцией, борьбой, войной, шизофренией, паранойей, болезнями, уродствами, — и всё это с распространением на экономику, политику, «культуру», «бытовщину», — так вот эта самая реальность либо уже не реальность, либо, ежели ещё реальность, то уже некая *само-реальность*, от человека либо независимая, либо зависимая с точностью до наоборот. Вот она — *самая современная современность!*

15. Западный человек — а это уже в значительной мере *пост-человек* — сегодня растерян, сбит с толку, немало и подавлен, хоть и хорохорится, и на что-то такое ещё претендует, и даже громко пищит. Ему пока невдомёк, что он уже... *проиграл*, точнее, что... *его уже проиграли!* И напустили на него морок. Западный «человече» настолько уже под эфирным гипнозом, льющимся из всяких там *media*, настолько уже зомбирован, заморожен и осчастливлен, что ничего для себя угрожающего от своей же среды обитания он не видит, зато увидел вдруг угрозу... от *России и русских!*

16. Невидящий взор евроамериканца направлен теперь не на один мусульманский Восток, не на одну «Аль-Каиду», а и на большое государство-

цивилизацию — на Россию, на весь русский мир, на всех русских, осмелившихся не только идейно отвергнуть Запад, но и попытаться избавиться себя от его настырного покровительства, мало того — выдавить его из себя, столь нагло и безнаказанно вторгшегося в тело и душу России, в русский мир, в русское сознание.

17. Нет, далеко не все из нынешних русичей осознают качество и силу отравы, преподносимой благородным Западом, вполне уже и гниющим, но зато немалая часть русского коллективного сознания уже в этом довольно-таки убеждена. Не надо во всём винить Запад, сами ведь порочны и гнилы, но не замечать разлагающего влияния «дружественного» Запада наивно, глупо и попросту... *страшно!*

18. Человек как человек, да ещё и широкообразованный, культурный, думающий, западному управлению уже не нужен, ему ближе сейчас *недо-человек* с *пост-человеческими* метками и замашками: ограниченный, неумный, немслящий, преступно наивный. Робот ценнее и перспективнее для Запада, чем собственно человек. Эра человека на Западе скандально («Je suis Charlie», то есть «Я — клоун») заканчивается!

19. Россия, вытолкнутая в афронт Западу не кем-нибудь, а «братской» Украиной (!), делает выборный ход в пользу России, но не нынешней России — порочной, заражённой, уродливой, гнилой, — а *другой России*, уже возникшей в метафизисе России в качестве трансцендентного проекта, — может, не очень и доброй России, но зато жизнеспособной, а главное — альтернативной как уходящему уже человечеству, так и наступающему на его место античеловечеству.

20. Откуда эта надежда на Россию, если нет в ней ника-

кой уверенности? Не только из-за удивительной способности России возрождаться (всё тот же эффект птицы Феникс), но и по причине поразительной адекватности русского мира возникающей на планете *новой реальности*. Русскость отличается неупорядоченностью, неопределённостью, незаконченностью, а потому и мобильностью, гибкостью, приспособляемостью, как и способностью выживать в нестабильной среде, разреженной, почти что броуновской. И это очень важно для бытия в подвижном, переменчивом, неожиданном и самовольном мировом контексте. Хаосмос — совершенно русское благо! К тому же Россия, пережив жуткий апокалиптический кризис рубежа XX-XXI веков, выходит на новый исторический старт, не обременённая ничем, кроме обязательства остаться Россией и идти не к Западу, а к России. А это не просто шанс, это самый настоящий *русский респект!*

21. О-о, Россию ждут (если не поджидают) любопытнейшие времена, события, состояния! Глупо тут что-нибудь воображать, предвидеть, замышлять, тем более — рассчитывать. Ясно, что *просто так* ничего не произойдёт. Однако вряд ли нужно сегодня говорить о каверзах, испытаниях и коллизиях, ждущих (если не поджидających) русский мир. Каркать — не функция мудреца; его святая обязанность — видеть и помалкивать! Всё свершится так, как должно свершиться: просто надо быть, во-первых, убеждённым в необходимости (даже неизбежности) *русского пути*, и во-вторых, идти по предназначенному пути во что бы то ни стало!

22. Такова она — *русская рулетка!*

Аминь! ☸